

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 39 (818)

15 июля 1939 г., суббота

Цена 30 коп.

КУЛЬТУРА РАССКАЗА

Коммунистическое общество, новый строй социальных отношений, новый тип человека не придут, как приходит весна, — без борьбы и без участия людской воли: самая борьба за коммунистическое общество входит как необходимое звено в исторический ход вещей.

В борьбе за новое, коммунистическое общество художественной литературе принадлежит одно из первых мест. Как и всякая идеология, литературное произведение, будучи порождено действительностью, начинает и само воздействовать на действительность. Сила этого воздействия находится в прямом соответствии с художественными качествами произведения, с глубиной авторского видения, с точностью авторского слова.

Рассказ — наиболее оперативная форма художественной прозы и в то же время наиболее оперативная форма художественного воздействия. Вот почему в условиях нашей быстротекущей действительности рассказ приобретает особое значение.

В романе и в повести, отображающих жизнь в большом развороте времени и пространства, легче передать противоречивый, сложный и вместе с тем целеустремленный процесс развития советского общества. Иначе обстоит дело с рассказом. Ведь каждый, даже самый незначительный случай, вырванный из сплошного потока действительности и зафиксированный в рассказе, должен быть для читателя тем же, чем является проба для химика: при условии точности и глубины анализа он должен дать полное представление о содержании и направлении жизненного процесса.

До этого строгого и законного требования, которому в полной мере удовлетворяют классики русского рассказа, советский рассказ еще не дозрел. Между тем страна требует рассказа — сотни, тысячи рассказов, и притом высококачественных. Малый размер рассказа, простота формы, широчайшая доступность, незначительность времени, потребного для прочтения, наконец, его издательская «проходимость» — все это в огромной степени способствует росту требований на рассказ. Литература ответила на это требование советского народа, главным образом, количеством. Но общий уровень этого сложного и тонкого искусства у нас еще не очень высок.

Разумеется, наша литература знает немало прекрасных рассказов. В частности, у нас появился сейчас целый ряд талантливых молодых писателей, культивирующих жанр короткого рассказа и уже создавших отличные образцы этого жанра. Для этих писателей является азбучной истиной, что творческий процесс обязательно включает в себя преодоление банальности, отталкивание от первых слов, от готового хода мысли, от соблазнительного скольжения по проторенной колее. Это писатели искренние и честные, отдающие литературе богатства своего опыта и крови своего сердца. А писательская искренность — не только душевная категория: она входит как существенное слагаемое в понятие писательского таланта.

Но основная масса рассказов, наводящих периферийные и столичные газеты и журналы, ни в какой степени не отвечает запросам советского читателя. Авторы этих рассказов не решают никаких художественных задач, не преодолевают никаких препятствий. Среди некоторой части наших литераторов выработался даже особый способ писания рассказов. Непосредственному «творческому акту» предшествует возникновение определенного тезиса — безразлично, собственного или редакторского; самый процесс «творчества» сводится всего лишь к доказательству этого тезиса посредством соответственной «образной» аргументации. Таким образом, творческий процесс оказывается поставленным на-голову. Естественно, что подобный рассказ весьма далеко отстоит от жизни. Автор вполне довольствуется той второй, ложной, «литературной» действительностью, которая представляет собой замкнутую систему готовых абстракций — «стахановских», «красноармейских», «пограничных», «бытовых». Система абстракций накрепко ограждает его разум от живого опыта, его сердце — от живого чувства. Он никогда не задумывается над тем, чтобы найти для воинского подвига или для трудового героизма новое слово и новый образ, извлечь из необработанного материала действительности все его красноречие.

В результате получается совершенно плоский рисунок, не имеющий, в сущности, никакого соответствия никакой действительности. Процесс узнавания, неизбежно сопутствующий чтению истинно-художественного произведения, здесь полностью отсутствует: ведь читатель и писатель того типа, о котором мы говорим, живут в совершенно разных мирах и не имеют никаких точек соприкосновения. В «писательском» мире законы диалектики начисто утрачивают свою силу, там царят мир и покой, люди движутся по прямым линиям, скользят на рельсах к вождельной цели или к нравственному перерождению, — а в читательском мире идет сложный, противоречивый процесс рождения нового человека. Ведь наш советский народ стоит перед новыми фактами и новыми мерами ценности и стремится к познанию сущности вещей, а не к граффитам, к полному соответствию, а не к приблизительному представлению, к жизненной правде, а не к идеали.

Не существует, разумеется, ни плохих, ни банальных тем, а существуют плохие и банальные рассказы. Так называемая «затасканность» темы является доказательством обилия плохих рассказов, трактующих эту тему, — не более того.

Самое же обилие в литературе произведений на одну и ту же тему свидетельствует о ее важности и значительности. Вот почему разговоры о «затасканности», скажем, пограничной темы или даже определенной «пограничной» ситуации являются пустыми и вредными разговорами, лишь дезориентирующими начинающих писателей.

Два плохих рассказа, написанных на различные темы, имеют между собой больше общего, чем два хороших рассказа, написанных на одну и ту же тему. Ибо своеобразие рассказу придает не тема, как бы ни была она оригинальна, а талант писателя. Секрет также не в том, что воспроизводимая в тысячный раз ситуация не является творческой ситуацией. Секрет в том, что ситуация, не преобразованная творчески, выпирает из рассказа сухим, мертвым скелетом; а все скелеты, как известно, между собой схожи. Можно указать десятки прекрасных рассказов — равно классических и советских, — построенных на одинаковой ситуации; но в этих рассказах — как и во всяком ряду подлинных индивидуальностей — бросается в глаза не сходство, а различие.

В пределах газетной статьи невозможно указать все «способы» и все предпосылки изготовления плохих рассказов: вопрос о рассказе должен стать в центре внимания советской критики, которая до сего времени проходила мимо этого важнейшего литературного жанра.

Но дело не только в критике. Сейчас, в дни чеховского юбилея, нашим писателям следует серьезно задуматься над проблемой советского рассказа. Со дня смерти Чехова прошло тридцать пять лет — три войны и две революции. Но стоит только открыть любую страницу «сочинений Антона Чехова», и жизнь, давно отшумевшая, давно похороненная под напластованием годов и событий, вновь зашумит, подойдет вплотную к самым глазам, к самому сердцу. Мы прошли через великие испытания, построили новый мир, обрели новые, величественные цели. Но проза Чехова, как и всякое великое искусство, выдержала испытание времени. Она заключает в себе такое богатство жизненного материала, что из нее можно будет черпать столетия. Чеховские персонажи, которые современникам представлялись случайным порождением эпохи, оказались, на поверку, необычайно живучи: они сделаны писателем из нетленного материала. Чехов, считавший себя «чистым художником», предстает нам, его потомкам, как писатель острейшего социального зренья: достаточно сказать, что Ленин и Сталин в своих выступлениях пользовались образами Чехова против врагов социализма.

Но и те рассказы Чехова, которые сохранили для нас уже отошедших людей отошедшей эпохи, ничуть не померкли в своей прелесть. Мужчины и женщины, девушки, юноши и дети конца прошлого века, красные рябиновые гроздья, свесившиеся через дачный подмосковный забор, гамак с небрежно брошенной подушкой, разогретый солнцем малинник на даче, лохматый пес на привязи, зеркальные шары — все это живет и вечно будет жить в творениях Чехова — в этой отраженной, неумиряющей действительности — и любовь, и печаль, и горечь русских людей тех лет, когда жил и писал чудесный русский человек Антон Павлович Чехов. Никогда не умрет и Анна Сергеевна, «Дама с собачкой», обыкновенная провинциальная русская женщина, полюбившая столичного банковского служащего. Сила их горькой любви была так велика, словно любовь была для них единственным способом сохранить человеческое достоинство в страшном быту 90-х годов. Чехов разглядел и запечатлел — на крохотном поле рассказа — эту трогательную борьбу за жизнь и одарил современницу, почти не жившую, вечным бытием.

В чем же сила рассказов Чехова, в чем причина их долгой, бессмертной жизни? В интимном знании действительности, в чувстве писательской ответственности, в высокой настроенности, в искренности, в умении так отобразить и представить случай, что он дает представление о всем жизненном процессе, в умении так облечь фразой мысль, чтобы «не образовалось ни единой складки». Одного только таланта мало: «С литературой, — говорит Гете, — то же, что и с другими искусствами: нам дается только прирожденная способность к ней, а уж мы сами должны изучать это искусство, упражняться в нем и развивать свой вкус».

Подлинное преодоление наших недостатков, которое приведет к расцвету советского рассказа, лежит на путях большой и глубокой работы над собой, над словом, над образом, на путях пристального изучения действительности, в развитии в себе того поэтического отношения к эпохе, о котором Лев Толстой говорил, что при отсутствии его он ощущает себя слепым.